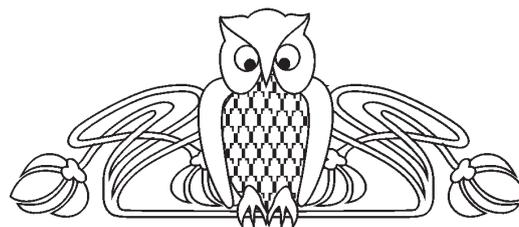

УДК 323.2

ПЕРСПЕКТИВА ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. В. Головченко

Головченко Антон Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрены основные проблемы и перспективы укоренения либеральных ценностей и институтов в политической культуре и политической системе современной России. Сделан вывод о том, что применительно к Конституции и другим политическим российским институтам требуется переосмысление самой квалификации «либеральный», что у российской либеральной политики появится перспектива тогда, когда возникнет собственное российское понимание «либеральности».

Ключевые слова: либеральные ценности, либеральные институты, инверсия либерализма, национальное государство, перспективы либерализма в современной России.

Prospects of Liberal Values and Institutions in Modern Russia

A. V. Golovchenko

Anton V. Golovchenko, ORCID 0000-0001-9349-1416, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, golovchenkoav@mail.ru

The main problems and prospects of entrenching of liberal values and institutions in political culture and political system of modern Russia are considered in this article. The author makes an inference that reassessment of the very notion of "liberal" is needed with reference to the Constitution and other Russian political institutes; Russian liberal politics has future when and if our own Russian notion of liberalism is formed.

Key words: liberal values, liberal institutes, inversion of liberalism, national state, prospects of liberalism in modern Russia.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-441-444

Последние выборы в Государственную думу и региональные законодательные собрания продемонстрировали, что основные либеральные партии России в очередной раз не смогли повысить свой рейтинг, несмотря на локальные успехи в отдельных регионах Российской Федерации¹. Причин тому много, но, как представляется, ключевое значение имеют однозначно жесткая критическая позиция данных партий по ситуации с возвращением Крыма в состав России², а также продолжающиеся противоречия между лидерами либерального партийного сегмента. Однако такая ситуация не означает соответствующей утраты политических перспектив либеральных ценностей и

институтов в современной России. Рассмотрим возможности укоренения наиболее значимых из них в российской политической системе и политической культуре.

Ценность нации является традиционным предметом идеологической и партийной конкуренции между либералами, консерваторами и социалистами. Традиционным же преимуществом либералов в этом споре была уравновешенная позиция, согласно которой борьба за национальное единство не должна сопровождаться ущемлением индивидуальных гражданских прав и свобод, с одной стороны, а с другой стороны, не должна выходить за границы конституционного пространства политики и тем создавать угрозу стабильности государственного порядка³.

В политическом спектре России и Запада либеральные партии и политики устойчиво занимали центр и поддерживали устойчивость либерально-демократических систем благодаря тому, что для них ценность нации не противостояла ценности гражданской свободы. Современные российские либералы в своих теоретических представлениях и политических практиках это равновесие нарушили. Для современных российских либералов ценность индивидуальных гражданских прав и свобод стала преобладать над ценностью государственной целостности и стабильности. Именно защиту индивидуальных прав и свобод либералы сегодня рассматривают в качестве инструмента консолидации гражданского общества и противодействия авторитарным тенденциям в государственной политике⁴.

Это смещение акцентов в отношении к ценностям само по себе лишило либералов возможности апеллировать в конкуренции со своими политическими оппонентами к идеям нации и национального единства. Носителями национально-патриотического дискурса в России в настоящий момент стали консерваторы и социалисты⁵. Представляется естественным, что для восстановления прежней центристской позиции либералов в российской политике и их влияния на российский электорат необходим их отказ от противопоставления гражданина и государства как субъектов демократической политики. Необходимо возврат к патриотическому дискурсу, в центре которого находится ценность нации и национально-государственного интереса. Иначе говоря, позитивная перспектива начнет вырисовываться у российского либерализма тогда, когда с индивидуалистически-космополитических по-

зий в теории и практике он перейдет на национально-государственные позиции.

Ценность гражданского общества – ключевой элемент в структуре либерального мировоззрения. Она является линией размежевания между либералами, консерваторами и социалистами. Для консерватора гражданином может себя назвать только тот человек, который приобщен к традициям общества и государства. Для социалистов важна классовая и идеологическая сторона гражданственности. Позиция либералов в этом отношении всегда была выигрышной. Уже потому, что либеральная идеология и практическая политика делают акцент на законах и законотворчестве как универсальном и легко настраиваемом посредством правовых реформ инструменте соединения политической традиции общества и государства с изменчивыми политическими, экономическими и культурными интересами различных социальных групп.

Современные российские либералы отошли от этой выигрышной позиции. Для них законотворчество представляется инструментом борьбы за индивидуальные права и свободы граждан против авторитарного Российского государства⁶. Иначе говоря, инструментом борьбы как против политической традиции государства и общества, так и против интересов больших социальных групп. Представляется, что ставка на «гражданский индивидуализм» в деле продвижения в российскую политику идеи и практик гражданского общества привнесла дополнительные сложности во взаимоотношения между самими постсоветскими либеральными лидерами и партиями и более всего способствовала падению их электоральной популярности. На этапе радикальных либеральных реформ идея приоритета свобод и прав личности перед правами и свободами государства и общества действительно сыграла мобилизующую роль⁷. Она была «знаменем» разрыва с политическим наследием советской эпохи, но вместе с тем быстро превратилась в «знамя» разрыва с базовыми устоями российской политической культуры.

Либералами не был принят во внимание фактор устойчивости коллективистских установок массового сознания российского общества как общества в хорошем смысле традиционного, ориентированного на групповую солидарность и групповую ответственность. Не было принято во внимание то обстоятельство, что трудности, вызванные радикальным либеральным реформированием российской политики, экономики и культуры только упрочили эти антииндивидуалистические ориентации массового сознания. В свете этих негативных уроков вырисовывается – в качестве перспективной для восстановления влияния либеральной идеи в российской политике – задача смещения в полемике либералов с консерваторами и социалистами акцента с самих по себе индивидуальных прав и свобод гражда-

нина на проблематику групповой солидарности и ответственности за состояние индивидуальных прав и свобод гражданина.

Еще одно понятие, которое в последние годы усилиями публицистов приобрело негативный смысл, – это «толерантность». Инверсия данной ценности стала символическим обозначением теоретического бесплодия и практической несостоятельности либерально-демократической политики в странах Запада и ее неоригинальности в условиях современной России. В системе либерального мировоззрения ценность толерантности состоит в том, что она обозначает определенное качество гражданской политической культуры, а именно способность гражданина на основе свободного личного выбора сконструировать пространство своей политической культуры и своего политического участия, четко обозначить границы этого пространства. Последнее стало действительно проблемой для передовых либеральных демократий в мире. Прежде всего, потому, что в ряду инструментов, посредством которых гражданин формирует свое толерантное мышление и поведение, приоритет был отдан законам в ущерб социально-групповым традициям. Гражданину, ищущему опору своей толерантной политической культуры в законах, приходится сталкиваться с тем фактом, что в том пространстве, в котором он, как полагал, свободно мыслит и действует один, на деле мыслят и действуют многие другие люди. Правовое регулирование применения ценности толерантности в демократической политике привело к тому, что пространство свободного гражданского индивидуального выбора превратилось в пространство конкуренции различных гражданских выборов и различных интерпретаций самой ценности толерантности. Гражданин видит себя жертвой политики мультикультурализма, и его гражданская толерантность превращается в противоположность, в ксенофобию и политическую нетерпимость.

Большое преимущество позиции современных российских либералов (с точки зрения их будущей возможности использовать ценность толерантности для возрождения в российском обществе интереса к либеральной идее) состоит в том, что они в теории и на практике не пошли этим путем. Они не переоценили возможностей правового управления развитием политической культуры. Они исходили из того, что границы толерантного поведения гражданина не являются результатом его свободного выбора. Эти границы определяет государство в соответствии со своими собственными интересами имперского либо федеративного существования. Причем не только и, может быть, даже не столько правовым путем, сколько путем идеологической и воспитательной работы с подданными и гражданами. С одной стороны, понимание этой российской специфики существования ценности толерант-

ности, как уже было сказано, побудило современных российских либералов отодвинуть на неопределенно отдаленный срок появление в России «полноценных» гражданского общества и правового государства. С другой стороны, даже в период самых радикальных трансформаций отечественной политической и экономической систем российские граждане не воспринимали друг друга в качестве политических субъектов, вторгающихся в частное пространство друг друга. Угрозу своему частному пространству они видели в реформаторской активности государства, возглавленного либеральными политиками, но не в друг друге. Это особенно ярко заявило о себе в этнических конфликтах в регионах России в период радикальных либеральных реформ и в первые десятилетия нынешнего века. Российские граждане разных национальностей уживались друг с другом до той поры, пока не появлялись поводы подозревать угрозу для себя в государственной политике. В том, что сосредоточение властных функций в руках одной из этнических групп либо лоббирование властью интересов одной из групп создает угрозу для неприкосновенности пространства личных интересов большого числа граждан, принадлежащих к другим этническим группам.

В этом смысле в России ценность толерантности не была дискредитирована в глазах электората так, как это произошло в Европе. Она сохранила точки соприкосновения с ценностью социальной солидарности. Ценность толерантности сохранила для российской политической культуры значения маркера, фиксирующего границу индивидуального и публичного пространств активности гражданина: пусть каждый делает и думает то, что ему нравится, но не требует от меня поступаться своими принципами. Особенно когда речь идет об отношениях с государством и другими гражданами. Это, как представляется, делает ее перспективным ориентиром для восстановления позиции либеральной идеи в российском политическом процессе.

Самая, может быть, большая проблема для сегодняшнего положения и для завтрашнего дня российского либерализма состоит в том, что либеральные политики не видят для себя точки опоры в реально функционирующих общественных и государственных институтах. Институты не выглядят как то, на что могут быть направлены усилия либеральной теории и практики, как материал для конструктивной политической работы. При всем том, что в российскую Конституцию, определяющую институциональные характеристики отечественной политической системы, в период либеральных реформ были внесены характеристики Российского государства как государства социального и правового и российского общества как общества гражданского. Внесены эти позиции в Конституцию были, вероятно, вследствие надежд

либеральных команд реформаторов на скорое, за 500–600 дней, завершение основных процессов демократического транзита в России. Но вся дальнейшая политическая жизнь России показала нецелесообразность отказа от этих основополагающих характеристик государства и общества. Потому что речь идет о таких вещах, как легитимность функционирующей на основе Конституции государственной власти и самочувствие общества, которое не хочет и не должно ощущать себя на обочине мировых политических процессов.

Реально действующая либеральная по своей сути российская Конституция остается, таким образом, реальной институциональной точкой опоры для возвращения общества к либеральной идее и либеральной политике. Вопрос, как представляется, в том, что применительно к Конституции и другим политическим институтам требуется переосмысление самой квалификации «либеральный». Пока для российских либералов либерален лишь тот институт, который похож на «западные» институциональные образцы. Думается, что у российской либеральной политики появится перспектива тогда, когда возникнет собственное российское понимание «либеральности». Понимание того, что российская Конституция, например, является либеральной не потому, что буквально копирует зарубежные эталоны и лишь в меру того, насколько точно она их копирует. Конституция либеральна, поскольку не выходит в своих основных позициях за границы представлений о традиции, с одной стороны, и справедливости, с другой.

В этом невыходе за границы нынешним либералам вполне можно видеть ту рациональность современного российского конституционного порядка, на которой во все времена настаивали их отечественные и зарубежные предшественники. Такое видение не противоречит доктринальным основам либерализма и тем более опыту возникновения либерально-демократических политических систем в мире в предшествующее время. Это изменение взгляда на критерии «либеральности» базовых институтов, как представляется, могло бы создать реальное основание для того, чтобы в перспективе именно либеральная политика наиболее последовательно олицетворяла собой рационально-конституционное русло отечественного политического процесса.

Примечания

- 1 См.: Вилков А. А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI : 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69.
- 2 См.: ПАРНАС проголосовал за антироссийские санкции. URL: <http://vz.ru/news/2016/12/6/847832.html> (дата обращения: 10.12.2016).

- ³ См.: Шестов Н. И., Вилков А. А. Ценностные основания рекрутирования современных российских элит : проблемы и перспективы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 86–91. DOI : 10.18500/1818-9601-2015-15-3-86-91.
- ⁴ См.: Макаренко Б., Макаркин А. Либералы в современной России. URL: <http://www.politcom.ru/2721.html> (дата обращения: 30.07.2015).
- ⁵ См.: Вилков А. А., Калинин В. А. Особенности восприятия национализма на региональном уровне (по материалам эмпирических исследований в Саратовской области) // Вестн. ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 2. С. 40–52.
- ⁶ См.: Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН, 2006.
- ⁷ См.: Феномен многопартийности в российском обществе / В. М. Долгов [и др.] ; ред. О. Н. Гладышева. Саратов : Научная книга, 2006.

Образец для цитирования:

Головченко А. В. Перспектива либеральных ценностей и институтов в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 441–444. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-441-444.

Cite this article as:

Golovchenko A. V. Prospects of Liberal Values and Institutions in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 441–444 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-441-444.
